

ТЕЛЕБИЗ

Под его маркой, кажется, можно продать все что угодно. Телевизионную программу, песню, даже платочек, вышитый крестиком! Автор «Ночной смены» на ОРТ только что записал пластинку песен Майка Науменко «Ром и пепси-кола». А с января он появится в прайм-тайм на ОРТ в новой телеигре «Народ против». Дмитрий Дибров говорит, что скоро он покажет, кто в доме хозяин и лучший ведущий в стране, а его музыкальный проект «Антропология» непременно разорвется тысячами осколками «нового московского блюза». Не звезда в общении и максималист в жизни. За что бы ни взялся, из всего выжимает хит. На то он и Дибров.

Вел. Москва. — 2001. — 13 дек. — с. 31.

Наталья ЧЕРКАШИНА

— Почему-то меня не покидает ощущение, что мегахит «Ром и пепси-кола» стал осуществлением какой-то давней мечты...

— Да! Я всегда мечтал быть «битлом». Мне до сих пор кажется, что самая элегантная форма одежды — клешеные джинсы. Высшая эстетика для меня — вид четырех парней в клешах, с гитарами наперевес. В сорок два я подумал, что никогда не поздно начать счастливое детство, и решил выпустить пластинку.

Пластинку «Ром и пепси-кола» записал музыкант или человек, решивший петь на вопрос поколения пепси: «А что это, Майк?»

— В сорок два года ты как куплетист из ростовского Театра эстрады, который говорит: «Наша профессия в том и состоит, что уж если удивлять, так поражать». Всякий поступок должен стать хотя бы попыткой создать невиданное.

Я хотел воплотить в жизнь то, что всегда звучало у меня в голове. Это оказался старый добрый Майк, который теперь, благодаря гению музыкантов из группы «Антропология», обрел новое звучание. Мои друзья — лидер группы «Грассмейстер» Андрей Шепелев и восходящая звезда отече-

Я все-таки выиграл у «колы». К сожалению, не в деньгах. Мой автоответчик заполнился голосами молодых дам до пятидесяти. Свободное от уроков время или когда училка заболела, они собираются у кого-то дома, ставят мне нашу с Майком «колу» и поют истошными голосами.

ственного блюза Саша Новоселов придал моей мотивации характер поступка. Майка я пел всегда, демонстрируя упрямую чистоту майкова письма, ведь Майк, на мой взгляд, самый изысканный... блюзмен совка. Когда мне предложили сделать этот альбом, я подумал, что это хорошее выполнение обязательств перед ним. Майк прекрасно знал, что нужно слушателю. Вот почему его хочется цитировать.

— Когда вы поете Майку, его авторское «я» не мешает вашему исполнительскому «я»?

— Нет такой проблемы у талантливого человека! Майк всегда помнил, что главное — это слушатель, которого надо занять и позабавить, чтобы ему было ясно, о чем идет речь. Перед Борей Гребенщиковым, например, стоит иная задача. Как только ему приходит очередная бандероль из Шамбалы, он выписывает это все. Ему на нас наложить с прибором!

— Вы тоже думаете о своих слушателях?

— Только о них.

— В ваших собственных песнях присутствует местоимение «я»?

— Нет. Мы сознательно не включили в альбом «Пригородный блюз» и мою любимую «Сладкую N», чтобы показать периферию Майка. Тот же «Ром» Майк считал проходняком, он стеснялся этой песни. Это естественно, потому что тогда, в Петербурге, надо было воевать против большевика, а тут «в душе пожар», понимаешь! Наверное, перед сорокалетним слушателем Майк раскрывается своей ремарковщиной. Что ни песня, то ода одинокому человеку.

— Насчет «Ром и пепси-колы» я не согласен. При всей своей простоте и неприязнительности — музыкальной и текстовой — она отвечает на вопрос, что такое рок-н-ролл. По Майку выходит, что сочетание вреда и полезности. Интересно, а производители газировки следовали вливания в этот проект?

— Когда мы обратились в эту компанию, нам сказали, что песня не будет популярна среди молодежи. Зачем молодым старинные ритмы? Еще им не понравилось, что в песне поется про алкоголь, а они пропагандируют спортивный образ жизни. Я усмехнулся, и как только эта песня вышла на радио, все-таки выиграл у «колы». К сожалению, не в деньгах. Мой автоответчик заполнился голосами молодых дам лет пятнадцать. В свободное от уроков время или когда училка заболела, они собираются у кого-то дома, ставят мне нашу с Майком «колу» и поют истошными голосами. Больше всего их волнует «я залетаю в бар». Еще им нравится, что «всех еще тошнит, а я уже опохмелюсь». Ну что они знают о похмелье?! Они громко орут «эр — это ром, пэ — это пепси». И с особым придыханием они произносят «звезде рок-н-ролла». Рок-н-ролл еще жив, слава богу! И я еще не...

— Песня, с которой начинался для вас Майк?

— Впервые я услышал Майка в Ростове-на-Дону году эдак в 77-м. Тогда в нашей стране был особый институт — институт комиссионных магазинов. Единственное место, где можно было купить наукоёмкую бытовую продукцию, из которой главной были магнитофоны. Они пользовались особым обожанием, потому что это была единственная форма передачи свободной эстетики из рук в руки. Все остальные формы были подконтрольны КГБ и передавали тягостину без полных признаков в эфир. А магнитофоны, не подконтрольные КГБ, представляли собой, если хотите, интернет

тех лет. Жрецами этой всесовой паутины были продавцы комиссионных. Толстые, молодые, счастливые и богатые, они отделили нас, синих от недосягаемого и онанизма подростков, от блистающего мира никелированных монстров. Магнитофонов. И, конечно, комиссионки были рассадником переловой эстетики. Молодые люди ставили на эти магнитофоны кассеты и пленки, принесенные из дома. А мы детьми ходили и слушали, что сейчас в комиссионных звучит. Что за группа? — Pink Floyd. — Дайте-ка запишу!

Однажды я услышал невероятную русскую речь. Гитарный блюз. Музыкальный некролиф. Простенький, но оттого не менее глубокий. Человек пел ясно и точно. «Прощай, детка, детка, прощай, и на прощанье я налью тебе чай». Как ладенко скрепо! «Наден мой старый макинтош, возможно, будет гроза»? Чудо какое! Следом за «Деткой» на той же пластинке шла «Дрянь». В жизни все называют друг друга словами и похлебе, но чтобы петь об этом?! Тогда, в Ростове-на-Дону, мы знали Макаревича: «Будет день радости, дай мне бог до старости когда-нибудь дожидаться встречи...» Тоже поэзия свободного полета, но уточненная поэзия. Мы должны были расшифровывать, что автор имел в виду между строк. Майка не надо было расшифровывать! От Майка надо было приходиться в восторг.

— Насколько комфортно вам сидеть на нескольких стульях? У вас уже есть «Ночная смена», вот-вот на ОРТ появится телеигра «Народ против», где, говорят, вы будете рулевым...

— Это один и тот же стул! Смысл жизни человека, цветка, муравья — в экспансии. Все, что я делаю, всего лишь точное следование смыслу моей жизни. Как способное к развитию существо я должен осуществлять экспансию в разных областях. На телевидении я делаю то же самое, что и в звукозаписывающей студии. Ищу парадоксы.

— А в телеигре?

— Три года назад, когда меня пригласили в «О, счастливыч», я сопротивлялся. Викторины казались мне богомерзким занятием. «Я обязан служить интеллектуалам по ночам!» — думал я. Меня тащили: хотя бы приди и посмотри! А потом, полгода спустя от начала игры, мы добились 30% рейтинга! Это же пять «Алчностей!» Я понял, что игра — не примитивное занятие. Сорок лет, а я все уроки получаю, слава тебе, господи. Снобизм оттого губителен, что сужает сознание. Оказалось, что в «Счастливычке» я делаю то же, что и в «Антропологии». Изучаю человеческую природу. И там, и здесь я искал неожиданных поворотов в той ткани, которую я плел на глазах у зрителей. И там, и здесь я обнаружил закономерность, которая делает ведущего мегапопулярным. Твой главный герой — не ты, уж конечно. И не тот, кто сидит напротив тебя. Но тот, кто в тапочках сидит у экрана. Если поймешь, что это главное, ты освободишься от многих занудных ошибок неопитов. Тебя уже не будет интересовать, как ты выглядишь и все ли выглядят твоим достоинством. О, ты знаешь, что такое Борхес, знаешь! Но покажи, что ты НЕ знаешь! Если ты будешь поставлен в идиотскую ситуацию за игровым столом, ты победишь: зритель никогда не отключится от этой передачи. Однажды в «Антропологии» Баренев заехал мне в физиономию тортом. Будучи интеллигентным человеком, перед этим он спросил у меня: «А что если я в вас тортом попаду?..» Я просил не кидать в меня маленькими ложечками, а захватить всей машиной. Да, это гениальный ведущий, который позволяет себе получить тортом в морду! В «Счастливычке» было то же самое. Всякий, кто ставил меня в дурацкое положение, помогал мне, хотя мое достоинство, вроде бы, падало. Но оно повышалось стократно!

В сорок два года мне уже понятно, стану ли я Березовским или Майклом Джексонном.

— Не кажется ли вам, что на телевидении уже достаточно телеигр?

— Телеигры были всегда. Несколько лет назад, когда рушилась империя, нам казалось, что пришло время делать публицистику. И тогда журналист Владимир Листьев сделал игру, являющуюся формой публичной «балды». Все ужаснулись: надо думать, как Россию вывести из тупика, а ты в «балду» играешь?! А через полгода кто только не прильнул к «Полю чудес!» Стоило Сергею Кордю, который привез в Россию «Миллионера», «Слабое звено» и теперь игру «Народ против», сделать «Счастливычку», как в стране начался бум интеллектуальных игр. Графоманы стали придумывать сценарии. Мне до сих пор по электронной почте присылают сценарии но-

вых и новых программ. Как объяснить этим людям, что придумать игру — это как написать симфонию? Нужно жить и работать в этом цехе. В Англии такой цех существует, у нас — нет.

— Вы уже выработали позицию для новой игры?

— Мы ее выработали с режиссером всех популярных игр на нашем телевидении Таней Дмитриковой. Мы с этой игрой созданы друг для друга. В ней участвует вся страна. Выиграть может любой телезритель! Как? Увидите в январе!

— Не боитесь, что вас будут сравнивать с Дибровым из «Ночной смены» или с Дибровым, который вел «О, счастливыч»?

— Конечно, будут! Чудесно, если есть какие-то сходства. А что плохого, если та дама, с которой ты идешь в ЗАГС, напоминает ту прежнюю, с которой ты вышел из ЗАГСа три месяца назад со штампом о разводе? Ты любил ту, и эту ты любишь.

— Что вы можете рассказать о новой телеигре?

— Это будет суперпроект. Одним вопросом зритель сможет заработать до шести тысяч рублей. А может поменяться местами с

рый не попадает, а выверенное до идеала странное варено живых звуков, воспроизводимых компьютером.

— А ваш барабанщик промахивается?

— У нас непьющий барабанщик. Он называется «Ямаха 1300». Это не драм-машина. Это семплер. Гроб. Компьютерный интерфейс. Ихтиандр, который припел в город и раздает всем рыбу. Эту скотину надо научить играть то, что нам надо.

— Выходит, «Антропология» — это студийная группа? Есть ли у нее будущее?

— Мы работаем над подготовкой концертного выступления. Музыканты с такой степенью одаренности, как мои, могли бы играть без репетиций, но непьющий барабанщик нас к этому вынуждает.

— В каких залах вам хотелось бы сыграть?

— Конечно, в Ростове-на-Дону, в Лендворде, где я когда-то выступал в студенческом театре. В сорок два года мне уже понятно, стану ли я Березовским или Майклом Джексонном. Ответ — нет. Я не заработаю столько денег и не соберу Madison Square Garden.

— Дима, вы не раз повторяли, что вам сорок два. За это время вы сделали блестящую телекарьеру и, судя по популярности песни «Ром и пепси-кола», не зря пошли в музыканты. А чего бы вам в ваши сорок два еще хотелось?

— «Битлом» я уже стал. Да, я не написал Yesterday. Но разве шизик из Кашенко, который называет себя Наполеоном, страдает от того, что в обществе никто не следует его приказам? Сам-то он чувствует себя Наполеоном!

Хочется сделать новую игру «Народ против». Показать, кто в доме хозяин. Еще мне бы хотелось показать телевидение нараспашку. Чтобы «Ночная смена» стала программой о том, как выходит в эфир программа «Ночная смена». Я взял операторов из ВГИКа, из мастерской Юсова, потому что они молодые красавцы. Почему я взял молодых редакторов? Я хочу, чтобы они шушукались в студии. Почему у меня такие красивые примерши? Чтобы зрители видели, какие романы у нас рождаются на производстве. Я хочу, чтобы люди получили сериал «Скорая помощь», но о телевидении.

— Прямо «За стеклом» какое-то! А у вас тоже завяжется роман на съемочной площадке?

— Константин Эрнст мечтает, чтобы у меня был роман если не с ведущей, то с примершей. Трудная творческая задача, придется к ней подтовривать.

Но есть у меня еще одна страстишка. Я хочу написать если не «Сто лет одиночества», то хотя бы «Лолиту». Но она удаляется от меня с той же скоростью, с которой я бегу навстречу этой мечте. Я «битлом» захотел стать в двенадцать лет, а писателем — в семнадцать, когда попал на филологический факультет. Поскольку идея с битломанией осуществлялась сейчас, тогда, наверное, лет через пять...

— Дибров-телезвезда сядет за пишущую машинку?

— Я чувствую себя изменником по отношению к этой мечте. Я в полной мере испытываю на себе синдром того, что телевидение — вещь низменная по отношению к литературному занятию. Я постоянно чувствую несложность по отношению к ареопагу — Маркеса и Борхеса. Что такое «Счастливыч» с «Антропологией» в сравнении с «Осенью патриарха»?

Вы не задумывались о том, что мы вновь и вновь перечитываем «Мастера и Маргариту», а телепередачу, которая вызывала такой кайф, через пять лет уже смотреть неинтересно. Почему? Телевидение имеет дело с результатами деятельности людей и условиями их существования. Литература и музыка имеют дело с самими людьми. Проблематика, с которой сталкивается Катюша Маслова Льва Николаевича Толстого, известна нынешним обитателям Тверской не понаслышке. Просто они не знают, что об этом уже все написано.

— Может, они читали?

— Не те, кого я знаю. Но если бы они утесжились открыть книжку, то они бы там узнали себя и нашли выходы из тех душевных переживаний, которыми мучаются.

— Вы собираетесь написать толстую книгу?

— Ну уж не пелевинские поделки! Я сделал бы стойку в сторону «Темных аллей» Ивана Алексеевича Бунина. Восемнадцать новелл, каждая из которых посвящена тому, как кто и с кем петрачался. Это лишь крючок. Когда мы заглаживаем червяка, ловкий рыбак Бунин вытаскивает нас. Нет, он глушит нас динамитом! А у того же Сорокина есть набор червяков, а самой рыбалки не происходит.

— Ваша книга будет о любви?

— А о чем же! У Пелевина, например, есть тонкий ум, восхитительно выполненная функция возвращения интереса к литературе, но нет любви. Его книги напоминают покинутый город со всеми приспособлениями для жизни. Зеркальные небоскребы, отели, в которых никто не живет... Но в городе нет воли. Нет влаги страсти!

— Мне кажется, вы могли бы написать философскую книгу.

— Но она должна быть «Ромом и пепси-колой» при этом! Ее героем должен быть читатель, а не философ кислых щей. Иначе такая книжка подполнит ряды графоманских изданий тиражом в тысячу экземпляров, которые издаются на деньги писателя.

— Вы намерены создать книжный хит?

— А иначе зачем что-либо делать?!

Максим ГОРЕВИК